

НАТУРАЛЬНЫЕ ПОВИННОСТИ И НАЛОГИ ТАМБОВСКИХ КРЕСТЬЯН В ПЕРИОД ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

М. М. Есикова, В. В. Кулин

*Кафедра «История и философия», ФГБОУ ВПО «ТГТУ»;
milana.61@mail.ru*

Ключевые слова и фразы: гужевая повинность; денежный налог; комбеды; конфискации; налоговая политика; натуральные сборы; охранная повинность; трудовая повинность; чрезвычайная продрозверстка.

Аннотация: Рассмотрен процесс разработки налоговой политики власти. Проанализирована роль центральных и местных властей в ее разработке и осуществлении. Раскрыт конфискационный характер налоговой политики. Даны описания натуральных сборов. Подчеркнут социально-классовый характер проводившихся мероприятий. Показаны существенные недостатки в системе обложения, механизм осуществления трудовой и гужевой повинностей. Указана роль местных советов и комбедов в осуществлении налоговой политики.

Проблемы налогообложения в деревне в первые годы советской власти относятся к слабо изученным. В советской историографии, посвященной вопросам налогового обложения и натуральных повинностей деревни, доказывается, что все они носили чрезвычайный характер, были направлены против богатых слоев села и основную массу сельского населения фактически не затрагивали [1].

Свершившаяся революция не ставила перед крестьянством задач создания новой экономики, но жизнь втягивала сельские органы власти в решение неотложных проблем. На содержание работников советов, больниц, школ, милиции и т.д. требовались деньги. На просьбы местных советов о выделении субсидий 19 ноября 1917 г. Совнарком разъяснил, что они сами должны обеспечивать себя, вводя местные налоги [2, с. 110–111]. 20 января 1918 г. Совнарком издал «Проект единовременного поимущественного налога», по которому обложению подлежали крестьяне, имевшие более двух рабочих лошадей и 25 десятин земли, то есть хозяйства среднего достатка [2, с. 384–385]. Введению налога должна была предшествовать работа сельских и волостных советов по учету и оценке имущества жителей. В деревне в это время шла ликвидация частновладельческих имений, поглощавшая все силы и внимание крестьян и власти. В январе 1918 г. В. И. Ленин ориентировал советы на изъятие денег у кулаков, рассматривая наличие у них средств как свидетельство эксплуатации народного труда [3, с. 321, 327]. Вплоть до осени каждый совет по-своему добывал средства для местных нужд. Категории облагаемых жителей и сумма налога находились в прямой зависимости от социального состава конкретного совета.

Свой план относительно крестьянства выдвинул В. И. Ленин в известной речи на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г.: «Да, мелкие хозяйчики, мелкие собственники готовы нам, пролетариям, помочь скинуть помещиков и капиталистов, но дальше пути у нас с ними разные. Они не любят организации, дисциплины, они –

враги ее. И тут нам с этими собственниками, с этими хозяйчиками придется вести самую решительную, беспощадную борьбу» [4, с. 265].

В 1918 году деревня, по существу, не платила налогов государству. Но и государство не субсидировало работу волостных и сельских советов и комитетов бедноты (комбедов). В целях подрыва экономических позиций сельской буржуазии и обеспечения своего существования эти органы широко практиковали контрибуции и штрафы с населения. Полученные ими средства использовались для местных (часто для личных или групповых) нужд. Будучи бессистемными, они наносили ущерб всем крестьянам, имевшим какой-то достаток.

Самое широкое распространение получили единовременные принудительные денежные и натуральные сборы – контрибуции, ставшие основным и наиболее эффективным, с точки зрения властей, видом обложения в первый год пролетарской диктатуры. Это была карательная акция. Она налагалась военными властями, чрезвычайными комиссиями и советами на село, волость, уезд за контрреволюционные деяния. Сумма контрибуций не регламентировалась. В начале августа 1918 г. буржуазия Лебедянского уезда была обложена контрибуцией в 200 тыс. руб. К 13 августа 1918 г. было собрано 150 тыс. руб. Всего же с начала года и до ноября 1918 только уездными и волостными совдепами Тамбовской губернии было взыскано контрибуций 1 646 033 руб. [5, с. 6].

В октябре 1918 г. декретом ВЦИК был введен единовременный чрезвычайный десятиллиардный налог (опубликован 2 ноября 1918 г.). Он предназначался для организации Красной Армии, пополнения казны и должен был послужить углублению классовый и социальной дифференциации населения. Предполагалось, что высокие ставки на кулацкие хозяйства заставят их продавать хлеб и другие продукты. Согласно этому декрету, на комбеды и местные совдепы возлагалась обязанность провести раскладку налога таким образом, чтобы городская и сельская беднота совершенно от него освобождалась, средние слои были обложены небольшими ставками, а вся тяжесть налога легла бы на зажиточную часть городского и сельского населения. Однако введение налога оказалось неудачным по времени, что имело самые серьезные последствия. Дело в том, что ко времени разверстания окладов определенная часть крестьян сдала добровольно свои излишки. Но с них также еще причиталось и получение чрезвычайного налога (затем и натурального). Так пострадали наиболее аккуратные плательщики. Тяжесть налога оказалась для крестьянства чрезмерной и потому, что сумма налога раскладывалась преимущественно без учета имущественного положения плательщика. Даже комбеды стремились разложить этот налог по едокам. Так, из Некрасовского волостного Совета Тамбовского уезда сообщали, что «дело распределения и взыскания государственного чрезвычайного налога обстоит в тяжелых условиях, подается масса жалоб о несостоятельности уплатить налог хотя бы в небольшой ставке...», слои населения привлекались к уплате без исключения [6, д. 108, л. 30].

Поспешное введение налога, непродуманность порядка обложения, способы взыскания, отсутствие толковых инструкций свидетельствовали об очередном революционном порыве правительства, одним ударом стремившегося покончить с финансовой состоятельностью буржуазии. Наркомфин не имел представления ни о действительных запасах денег у населения, ни об удельном весе социальных групп в губерниях. Сумма налога на губернию уравнилельно делилась по уездам, а там – «на глазок» по волостям и селениям. К тому же местные органы увеличивали обложение на десятки миллионов рублей для собственных нужд.

Для упорядочения местных налогов 31 октября 1918 г. Совнарком принял декрет «О единовременных чрезвычайных революционных налогах, устанавливаемых местными Советами депутатов». Налог, согласно декрету, должен был взыматься деньгами и шел на удовлетворение нужд местных Советов. Однако

на практике это не соблюдалось: по мере необходимости назначались и денежные, и натуральные сборы. Более того, местный произвол усиливался в связи с разрастанием крестьянских восстаний и прибытием на территорию губернии частей Красной Армии. Так, в Моршанском уезде в апреле 1921 г. 2-й продовольственный полк ввел налог в 2 фунта на едока «для нужд частей». Из Рассказово сообщалось, что «проведение налога на масло и яйца затруднительно для крестьян, так как все эти продукты потреблялись красноармейцами» [7, д. 1047, л. 8; д. 1055, л. 7]. При всей своей значимости для властей контрибуции и чрезвычайные налоги не могли стать постоянной формой налогового обложения. Необходимо было переходить к регулярным налогам. Одновременно предстояло решить судьбу бывших местных земских земельных сборов и государственного поземельного налога. Относительно последних отметим, что 30 октября 1918 г. оба эти налога были юридически упразднены. В тот же день ВЦИК и Совнарком приняли декрет «Об обложении сельских хозяйств натуральным налогом в виде отчисления части сельскохозяйственных продуктов». Подчеркнем, что развитие советской налоговой политики в деревне пошло по пути обложения не землепользования, а производства.

Важно обратить внимание на факт, впервые отмеченный Э. М. Шагиным [8, с. 14–15]. Если до октября 1917 г. В. И. Ленин неоднократно высказывался о том, что деревенская беднота составляла едва ли не 2/3 общей численности крестьянских хозяйств России, то после октября 1917 г., когда большевики стали определять налоговую политику новой власти, Ленин, как председатель Совнаркома, формулируя ее классовую направленность, счел необходимым исходить из совсем иных представлений об удельном весе различных социальных групп в крестьянстве страны. В проекте постановления Совнаркома 21 сентября 1918 г., относительно переработки проекта декрета об обложении сельских хозяйств натуральным налогом (30 октября этот проект стал уже упомянутым декретом) он указывал: «...% бедноты подогнать не менее 40 %, среднее не менее 20 %» [9, с. 93]. Можно представить, какой заряд социальной несправедливости несла такая установка главы правительства, и каким разгулом произвола сопровождалась ее реализация местными властями, если учесть, что им принадлежала prerogative поднимать вопрос об изменении норм обложения для богатых [10, с. 169–170].

Переход к продразверстке (через 2,5 месяца), которая заменила фактически и налоговую, и заготовительную системы, по существу, свел на нет осуществление декрета от 30 октября. Установка же на классовую направленность, безусловно, сохранилась.

Составной частью военно-коммунистической экономики помимо продразверстки стали также трудовая, гужевая и военно-конские повинности. Основное бремя натуральных повинностей падало на крестьянство как на преобладающую массу населения, располагавшую к тому же рабочим скотом. Начало натуральных повинностей (трудовая, военно-конская) относилось к периоду Первой мировой войны. Имели место они и при Временном правительстве (гужевая повинность). Однако апогей их приходился на годы военного коммунизма.

Первые декреты Советской власти о натуральных повинностях относятся к осени 1918 г. Однако местные власти прибегали к ним и раньше. Так, весной 1918 г. в Тамбовской губернии прошла мобилизация для нужд Красной Армии. 27 мая 1918 г. губернский военный комиссар К. Волобуев для укомплектования дивизии В. И. Киквидзе приказал срочно приступать к мобилизации лошадей в Тамбовском уезде [11, д. 84, л. 77]. Населению никто не объяснил, сколько требуется лошадей, комиссия по их приемке не явилась в назначенное время. Действовали в большинстве случаев силой, как это было, например, 6 июня в селе Арапово, куда приехал сам Киквидзе с большим вооруженным отрядом. Все село бы-

ло окружено солдатами, населению приказали тотчас же собраться. Приемка лошадей проходила ночью, причем брали и молодняк, и кобыл с жеребьями. Всего с 5175 душ обоего пола при 607 рабочих лошадях было взято 139 лошадей, из которых 8 – породистых (заметим, что крестьяне в разгар сельскохозяйственных работ лишились почти четверти рабочих лошадей). Все протесты оставались без внимания. Во время действия Комиссии солдаты разъезжали по селу, устрашая население выстрелами, и вымогали у него съестное [12, с. 53–54]. На следующий день Тамбовский уездный исполком констатировал, что «этот случай распространялся по всем ближайшим волостям и ужасно встревожил население» [13, д. 155, л. 81]. Местные власти широко применяли трудгужповинности для топлива, перевозки грузов, обработки и засева пустовавших земель, уборки урожая, помощи семьям красноармейцев. Так, в январе 1919 г. Тамбовский губисполком дал указание повсеместно организовать засев культурных земель путем создания дружин, введения трудовой повинности и привлечения к этим работам в первую очередь кулаков [14, д. 1015, л. 84].

Тяжелым бременем ложились на крестьян натуральные повинности в условиях военной угрозы. Так, летом 1919 г. в связи с наступлением войск Деникина крестьяне губернии в разгар сельскохозяйственных работ в срочном порядке направлялись на строительство оборонительных сооружений. Только в Тамбовском уезде в июле 1919 г. для рытья окопов было призвано 1 500 человек и 100 подвод [15, д. 417, л. 92].

Натуральные трудовые повинности крестьянства сложились в конце 1919 г. [16, с. 172]. Именно тогда, 19 ноября, Совет обороны принял постановление «О натуральной, трудовой и гужевой повинности», определившее государственные повинности населения: 1) натуральную дровяную; 2) трудовую – по заготовке, погрузке и выгрузке всех видов топлива; 3) гужевую – для подвоза топливных, военных, продовольственных и иных государственных грузов в города, к железным дорогам, пристаням и другим приемным пунктам. Трудовая повинность распространялась на всех граждан от 18 до 50 лет (женщины – до 40 лет), а гужевая – на всех владеющих лошадьми и другим упряжным скотом и перевозочными средствами. Уклонение от трудгужповинности квалифицировалось как дезертирство.

Самое широкое распространение трудовая и гужевая повинности получили при заготовке и доставке дров, требовавших огромного количества рабочей силы и перевозочных средств. Только за первую половину 1920 г. в Тамбовской губернии к трудгужповинности было привлечено 104 513 чел., мобилизовано 52 996 лошадей. С их помощью было заготовлено 39 577, перевезено 164 826 куб. саженой дров и 177 147 пудов продовольствия и фуража [17, с. 104].

Бывали случаи, когда вместе с натуральными повинностями на крестьян накладывались обязанности по охране важных объектов. Так, в связи с участвовавшими случаями порчи железных дорог и сооружений Полномочная комиссия ВЦИК 27 апреля 1921 г. издала приказ, который возлагал охрану путей и сооружений на население сел и деревень, расположенных на 15 верст по обе стороны от железной дороги. Для обеспечения большей «эффективности» принятых мер в этих селах рекомендовалось брать заложников. В участках, где произойдет порча путей, – расстреливать заложников, брать новых, а на села накладывать «тяжелые контрибуции с конфискацией скота и сельскохозяйственного инвентаря» [18, с. 149].

Власти неоднократно заявляли, что основное бремя натуральных повинностей ложилось на зажиточные слои деревни. Однако на практике это было не так, эти меры затрагивали всю деревню. Крестьяне пытались уклоняться от выполнения повинностей любыми способами. Иногда они осенью продавали лошадей,

чтобы избавиться от гужевой повинности, а заготовленным для них кормом торговали.

В целом же трудгужповинность не только отвлекала значительные силы крестьянства на довольно продолжительное время, особенно в страдную пору, но оказывала крайне негативное влияние на состояние производительных сил крестьянского двора. Она отбивала у крестьян стремление к увеличению числа лошадей и вынуждала сокращать их поголовье. Налоги и повинности вместе с продразверсткой тяжким бременем ложились на крестьянство. Натуральные повинности вместе с продразверсткой, сами являясь порождением натурализации, усиливали тенденцию к натурализации хозяйства.

Список литературы

1. Залесский, М. Я. Налоговая политика Советского государства в деревне / М. Я. Залесский. – М. : Госфиниздат, 1940. – 119 с.
2. Декреты Советской власти. В 2 т. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / под ред. С. Н. Валк ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории АН СССР. – М. : Политиздат, 1957. – 627 с.
3. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 35 / В. И. Ленин. – М. : Худож. лит., 1962. – 599 с.
4. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 36 / В. И. Ленин. – М. : Худож. лит., 1962. – 741 с.
5. Власть Советов. – 1919. – № 1.
6. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). – Фонд Р-398. – Опись 1.
7. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). – Ф. 840. – Оп. 1.
8. Шагин, Э. М. Об опыте и уроках столыпинской аграрной реформы / Э. М. Шагин // Власть и общественные организации в России первой трети XX века : Межвузовская науч. конф., г. Москва, 1994 г. / Моск. пед. гос. ун-т. – М., 1994. – С. 9 – 19.
9. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 37 / В. И. Ленин. – М. : Худож. лит., 1963. – 747 с.
10. Декреты Советской власти: 11 июля – 19 ноября 1918 г. Т. 3 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории АН СССР. – М. : Политиздат, 1964. – 664 с.
11. ГАТО. – Ф. Р-1832. – Оп. 1.
12. Канищев, В. В. Анатомия одного мятежа. Тамбовское восстание 17 – 19 июня 1918 г. / В. В. Канищев, Ю. В. Мещеряков. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 1995. – 295 с.
13. ГАТО. – Ф. Р-394. – Оп. 1.
14. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 478. – Оп. 6.
15. ГАТО. – Ф. Р-1236. – Оп. 1.
16. Октябрь и советское крестьянство 1917 – 1927 гг. : сб. ст. / В. И. Кострикин [и др.]. – М. : Наука, 1977. – 295 с.
17. Андреев, В. М. Под знаменем пролетариата. Трудовое крестьянство в годы гражданской войны / В. М. Андреев. – М. : Мысль, 1981. – 247 с.
18. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919 – 1921 гг. («Антоновщина»). Документы и материалы / Интерцентр, ГА Тамб. обл. – Тамбов : Редакционно-издательский отдел, 1994. – 334 с.

Natural Duties and Taxes of Tambov Peasants in the Period of War Communism

M. M. Esikova, V. V. Kulin

Department "History and Philosophy", TSTU; milana.61@mail.ru

Key words and phrases: cartage service; committees of the poor; confiscation; emergency requisitioning; labor service; money tax; natural charges; security service; tax policy.

Abstract: The process of development of fiscal policy by the authorities is described. The role of central and local authorities in its development and implementation is analyzed. The confiscatory nature of tax policy is disclosed. The natural charges are described. The social and class character of activities is emphasized. The significant deficiencies in the system of taxation, the mechanism of the labor and cartage duties are shown. The role of local councils and committees in the implementation of fiscal policy is described.

References

1. Zalesskii M.Ya. *Nalogovaya politika Sovetskogo gosudarstva v derevne* (Tax policy of the Soviet state in the country), Moscow: Gosfinizdat, 1940, 119 p.
2. Valk S.N. (Ed.), Institut marksizma-leninizma pri TsK KPSS, Institut istorii AN SSSR, *Dekrety Sovetskoi vlasti. 25 oktyabrya 1917 g.-16 marta 1918 g.* (Soviet decrees. October 25, 1917-March 16, 1918), vol. 1 of 2, Moscow: Politizdat, 1957, 627 p.
3. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* (Complete set of works), vol. 35 of 55, Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1962, 599 p.
4. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* (Complete set of works), vol. 36 of 55, Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1962, 741 p.
5. *Vlast' Sovetov*, 1919, no. 1.
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti (GATO)* (State Archive of the Tambov region (GATO)), F. R-398, Op. 1.
7. *Gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii Tambovskoi oblasti (GASPITO)* (State Archive of Socio-Political History of the Tambov region (GASPITO)), F. 840, Op. 1.
8. Shchagin E.M., in *Vlast' i obshchestvennye organizatsii v Rossii pervoi treti XX veka* (Power and public organizations in Russia in the first third of the XX century), Proceedings of the Interuniversity Scientific Conference, Moscow, 1994, pp. 9-19.
9. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* (Complete set of works), vol. 37 of 55, Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1963, 747 p.
10. Institut marksizma-leninizma pri TsK KPSS, Institut istorii AN SSSR, *Dekrety Sovetskoi vlasti: 11 iyulya – 19 noyabrya 1918 g.* (Soviet decrees: July 11-November 19, 1918), vol. 3, Moscow: Politizdat, 1964, 664 p.
11. *GATO*, F. P-1832, Op. 1.
12. Kanishchev V.V., Meshcheryakov Yu. V. *Anatomiya odnogo myatezha. Tambovskoe vosstanie 17-19 iyunya 1918 g.* (Anatomy of a rebellion. Tambov uprising 17-19 June 1918), Tambov: Izdatel'stvo Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta im. G. R. Derzhavina, 1995, 295 p.
13. *GATO*, F. P-394, Op. 1.
14. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki (RGAE)* (Russian State Archive of the Economy (RSAE)), F. 478, Op. 6.

15. GATO, F. P-1236, Op. 1.

16. Kostrikin V.I., Osipova T.V., Kabanov V.V., Makarova S.L. *Oktyabr' i sovetskoe krest'yanstvo 1917-1927 gg.* (October and Soviet peasantry 1917-1927's), Moscow: Nauka, 1977, 295 p.

17. Andreev V.M. *Pod znamenem proletariata. Trudovoe krest'yanstvo v gody grazhdanskoj voiny* (Under the banner of the proletariat. Laboring peasantry during the Civil War), Moscow: Mysl', 1981, 247 p.

18. Intertsentr, Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti, *Krest'yanskoe vosstanie v Tambovskoi gubernii v 1919-1921 gg. ("Antonovshchina"). Dokumenty i materialy* (Peasant revolt in the Tambov province in 1919-1921 years ("Antonovschina"). Documents and Materials), Tambov: Redaktsionno-izdatel'skii otdel, 1994, 334 p.

Natürliche Verpflichtungen und die Steuern der Tambower Bauer im Laufe des Militärkommunismus

Zusammenfassung: Es ist der Prozess der Entwicklung der Steuerpolitik der Macht betrachtet. Es ist die Rolle der zentralen und lokalen Behörden in ihrer Entwicklung und der Verwirklichung analysiert. Es ist der Charakter der Steuerpolitik geöffnet. Es sind die Beschreibungen der natürlichen Gebühren gegeben. Es ist der soziale Klassencharakter der durchgeführten Veranstaltungen betont. Es sind die wesentlichen Mängel im System der Besteuerung, den Mechanismus der Verwirklichung werktätig und der Verpflichtung vorgeführt. Es ist die Rolle der Gemeindeämter in der Verwirklichung der Steuerpolitik angegeben.

Charges et impôts naturels des paysans de Tambov dans la période du communisme de guerre

Résumé: Est examiné le processus de l'élaboration de la politique fiscale des pouvoirs. Est analysé le rôle des pouvoirs centraux et locaux dans son élaboration et son réalisation. Est démontré le caractère de confiscation de la politique fiscale. Est souligné le caractère socio-classe des mesures effectuées. Sont montrés les défauts du système de la taxation, le mécanisme de la réalisation des services du travail obligatoire. Est indiqué le rôle des soviets locaux et des comités des pauvres dans la réalisation de la politique fiscale.

Авторы: *Есикова Милана Михайловна* – доктор исторических наук, профессор кафедры «История и философия»; *Кулин Вадим Викторович* – аспирант кафедры «История и философия», ФГБОУ ВПО «ТГТУ».

Рецензент: *Слезин Анатолий Анатольевич* – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История и философия», ФГБОУ ВПО «ТГТУ».